

А.В. Латышева
Харьковский университет, Украина

Феномен паломничества на примере византийских памятников Херсона

Паломничество верующих к святым местам играло важную роль в жизни раннесредневековой Византийской Церкви и получило большую популярность в христианском мире. Начало традиции поклонения христианским святыням положило путешествие в Святую Землю матери Константина Великого св. царицы Елены. Затем паломничества в Святую Землю совершали и другие императрицы. Так, в 438 г. жена императора Феодосия II августа Евдокия совершила паломничество в Иерусалим¹.

Целью таких путешествий было не только стремление верующих увидеть своими глазами христианские святыни, прикоснуться к ним. Часто паломничество совершалось как исполнение обета, данного при каких-либо чрезвычайных жизненных обстоятельствах, покаяние или искупление. Вместе с этим одной из главных причин развития паломнического движения была надежда на чудо, чаще всего — чудо исцеления. Со временем для некоторых верующих путешествия к христианским святыням становились образом жизни. Приходя из одного странствия, они сразу отправлялись в другое.

Наряду с такими значимыми центрами христианского паломничества, непосредственно связанными с культом Иисуса Христа, как Иерусалим и Константинополь, существовали центры так называемого «малого паломничества», к которым относились места, где находились христианские реликвии или гробницы христианских мучеников, святых, проповедников и последователей христианства.

Одним из традиционных центров «малого паломничества» был Херсонес Таврический. Для того чтобы в полной мере отразить все стороны паломнического движения в отдельно взятом городе, на наш взгляд, необходимо уделить внимание таким вопросам, как роль Херсона в системе паломнических центров, сложившихся в период раннего средневековья в Византии и Западной Европе, локализация херсонских святынь как объектов паломничества в городе и его округе, их развитие и значение. Следует также осветить деятельность Херсонской церкви, направленную на развитие паломнического движения и связанных с ним сторон духовной и религиозной жизни города. Чтобы воссоздать основные элементы паломнического движения в Херсоне, необходимо обратиться к свидетельствам письменных и археологических источников.

Херсон, как крупнейший город Юго-Западной Таврики, не стоял в стороне от паломнического движения, связывая между собой отдаленные провинции

Александра Владимировна Латышева, ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Специалист по истории ранневизантийского Херсонеса. E-mail: Sergei.B.Sorochan@univer.kharkov.ua

¹ Zias J. Was Byzantine Herodium a Leprosarium? // Biblical Archaeologist. 1986. Vol. 49. №3. P. 182–186.

Византийской империи. В качестве транзитного пункта для паломников, следующих из Северного Причерноморья в Иерусалим, о Херсоне говорит автор первой трети VI в. архидиакон Феодосий в своем сочинении «De situ Terra Sancta»². На Западе (в Риме и г. Велетери) Херсон был известен благодаря одной из своих древнейших христианских святынь — мощам Св. Климента, о чем свидетельствует интерес, проявленный Западной Церковью к истории вторичного обретения мощей.

Одним из условий зарождения и развития паломнического движения является существование устойчивой местной традиции почитания конкретной святыни (необязательно первичной, т.е., в данном случае, собственно мощей христианских святых) и связанного с ней комплекса легенд и преданий.

Так, константинопольский монах Епифаний, повествуя в первой трети IX в. путь апостола Андрея в Малую Азию и Крым, включил в свое сочинение «Деяния и хождения святого и всехвального апостола Андрея, соединенные с похвалой» местное предание о посещении апостолом окрестностей Херсонеса³. Скорее всего, речь идет не о реальных событиях, а о местных легендах, поддерживающих почитание реликвий, «связанных» с первым христианским апостолом. К таким реликвиям можно отнести камень с отпечатками ступней апостола, о котором упоминается в Степенной книге. Воду, собирающуюся в них, паломники использовали для лечения различных недугов⁴.

Традицию почитания Андрея Первозванного в Херсоне, которую наблюдал Епифаний, можно считать следствием политики Херсонской епархии и городских властей в 60–70-е гг. VI в., направленной на поиск местных христианских святынь, вторичных реликвий и связанной с массовым сакральным строительством. В качестве такой реликвии могли быть использованы следы ступней на постаментах античных статуй, например, на постаменте, находящемся рядом с кварталом III на Главной улице. Следы языческих божеств свободно трансформировались в следы первого христианского апостола.

С Херсонесом-Херсоном связаны легенды о жизни и мученической смерти ссыльных римских понтификов Климента и Мартина. Большую роль в организации паломнического движения играли и культы местных святых епископов: Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и крестителя Херсона Капитона, также сформировавшиеся к последней трети VI в.

Особое место среди херсонских святынь занимали мощи Св. Климента. После мученической гибели Папы Римского его ученикам, Корнилию и Фиву, было откровение, чтобы не переносили они мощей со дна моря на сушу. Для того же, чтобы верующие могли поклониться святыне, в день памяти святого совершалось чудо: море отступало на семь дней «грядущим сухошествие дая»⁵, «открывая доступ для приходящих к мощам пешком шаг за шагом», и «великое множество христиан устремилось тогда видеть мощи»⁶.

К первым упоминаниям о существовании паломничества к мощам Св. Климента можно отнести свидетельство Феодосия. В своем «Описании Святой земли» он приводит сведения о поклонении могиле Св. Климента во время «чуда морского отлива»: «все, и народ и священники, садятся в ладьи, и когда приплывают туда (к гробнице святого на островке в Казачьей бухте. — А.Л.)

² Феодосий. Описание Святой Земли // Палестинский сборник. СПб., 1891. Вып. 28. С. 5–6.

³ Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 213–295.

⁴ Степенная книга. 1, 96.

⁵ Мучение св. Климента / Греч. текст, русс. пер. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. 10. С. 169.

⁶ Там же. С. 158–159.

море высушивает шесть миль, и на месте, где находится самая гробница (арса), раскидываются шатры, и сооружается алтарь, и в течение восьми дней служатся там литургии»⁷.

Источники сообщают о чудесах и знамениях, совершавшихся у гробницы мученика: для исцеления от «тяжких болезней» паломники, пришедшие к гробнице мученика, использовали воду агисмы, выпивая и окропляясь ею. Это сообщение объясняет то, что рядом с гробницей Св. Климента в алтарной части церкви на островке в Казачьей бухте во время исследования памятника был обнаружен фиал, накрытый мраморной плитой с вырезанным на ней рельефным крестом и небольшим круглым отверстием по центру, очевидно, служившим для поднятия плиты⁸. Первоначальное предположение о том, что под ней может находиться могила или костница, не подтвердилось, так как углубление под плитой было заполнено чистой пресной водой, которая, судя по символам на плите, использовалась в ритуальных целях.

Аналогом западноевропейских миракул — самостоятельных рассказов о чудесах, совершенных святыми после смерти, — в херсонской традиции можно считать «Чудо Св. Климента о отрочати», известное во многих списках⁹. Оно еще не полностью восприняло характер традиционных «каталогов чудес», распространенных в Западной Европе в X–XIII вв., являясь как частью «Мучения Св. Климента», так и вполне самостоятельно оформленным произведением.

Эта часть легенд, связанных с именем Св. Климента, повествует о чуде, свершившемся после смерти мученика. Во время морского отлива возле гробницы святого мальчик, пришедший с родителями к святыне, спрятался возле нее, а когда родители спохватились, было уже поздно — море вернулось на место, сокрыв и раку с мошами, и мальчика. Однако, возвратившись через год, во время очередного отлива родители увидели сына живого и веселого¹⁰.

Сюжет, избранный автором, не является традиционным для миракул, повествующих в основном об исцелении верующих от различных недугов. О таких случаях в «Мучении Св. Климента» вскользь упоминается, но центральное место все же занимает рассказ о спасении мальчика, более значимый, так как речь идет о сохранении человеческой жизни в совершенно неподходящих условиях — в затопленной морем гробнице. Автор даже называет это чудо превышающим все другие, даже чудеса пророков¹¹.

На основе содержащихся в «Слове» сведений можно заключить, что в Херсоне существовала устойчивая традиция совершать паломничество к гробнице мученика в дни его памяти: «Все Херсонские христиане ежегодно собирались к празднованию чуда»¹². Придя к гробнице святого, верующие «хваляще и славяще» просили отпущения грехов, молились за свое здоровье и здоровье своих родственников, просили помощи и покровительства мученика и целовали мощи.

⁷ Феодосий. Указ соч. С. 6.

⁸ Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки Херсонеса // Отчет императ. археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. С. 36; Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 140.

⁹ Святого священномученика Ефрема, епископа Херсонского (сказание) о совершившемся над отрочком чуде священномученика и апостола Климента / Пер. Зикоса // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9. С. 134–148; Чудо Св. Климента о отрочати // Лавров П. Жития Херсонесских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 36–46.

¹⁰ Мучение Св. Климента // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. 10. С. 172.

¹¹ Святого священномученика Ефрема... С. 147.

¹² Мучение Св. Климента. С. 159.

Исходя из самого факта создания «Сказания о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента», приписываемого «святому священномученику Ефрему, епископу Херсонскому», можно сказать, что таким образом был увязан комплекс легенд о Св. Клименте и предания о подвижничестве семи херсонских епископов. Еп. Ефрем, таким образом, стал одним из популяризаторов христианства в этом городе¹³. И.Я. Франко относит создание «псевдо-Ефремового» сказания к довольно продолжительному периоду начала VII — конца IX вв., что совпадает с периодом активности христианской Церкви, направленной на популяризацию и внедрение христианства во все сферы жизни населения Херсона¹⁴.

Житийные сообщения о месте кончины Св. Климента и пребывании его мощей исследователи Херсона связывают с остатками каменной церкви и окружающего ее комплекса построек на островке в Казачьей бухте¹⁵. В мае 1253 г. францисканский монах Гийом де Рубрук во время своей поездки из Константинополя в Сугдею недалеко от Херсонеса видел остров с храмом, построенным «ангельскими руками» на месте кончины Св. Климента¹⁶.

После гибели Херсона и покорения Крыма татарами гробница святого была забыта. Интерес к местам, связанным с христианскими святынями Крыма, возник лишь после присоединения Крыма к России. Развалины в Казачьей бухте видели академик Паллас и в 1820 г. Муравьев-Апостол¹⁷.

Церковь с подземной гробницей-криптой с отдельным входом входила в комплекс построек, в числе которых, видимо, были и помещения, где жили монахи-смотрители. Двор монастыря и пол крипты находились на уровне моря и часто затопливались, поэтому церковь была перенесена во второй ярус. Для удобства верующих в крипту с могилой вел отдельный вход. То, что море часто заливало двор и крипту, отчасти объясняет происхождение легенды о подводном храме.

Среди последователей ортодоксального христианства и на Востоке, и на Западе почиталась усыпальница Римского Папы Мартина I, сосланного в Херсон в VII в. Понтифик прожил в этом городе всего 124 дня, умерев 16 сентября 655 г. (день памяти 27 (14) апреля)¹⁸. Больной, одинокий старик, не знающий греческого языка, на котором изъяснялись херсониты, к тому же сосланный как политический преступник, что вполне могло вызывать настороженное к нему отношение, не сумел наладить с горожанами тесных контактов и достичь взаимопонимания¹⁹. Тем не менее после его смерти память о Римском Папе Мартине I, причисленном к лику святых, на протяжении ряда веков сохранилась не только в Херсоне, но и далеко за его пределами. Косвенным подтверж-

¹³ Святого священномученика Ефрема... С. 134–148; *Лаверовский П.* Итальянская легенда. Критический обзор исследований и мнений о ней // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1886. Ч. 246. С. 46.

¹⁴ *Франко И.* Святыи Климент у Корсуні; Причиники до історії староруської легенди // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів. 1903. Т. 56. Кн. 6. Ч. 8–9. С. 179.

¹⁵ *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб., 1893. №12. С. 58–64; *Маркевич А.И.* Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины Святого Климента, Папы Римского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1909. Т. 43. С. 105–115; *Айналов Д.В.* Мемории Св. Климента и Св. Мартина в Херсонесе // Труды Московского археологического общества. М., 1916. Т. 25. С. 69–76.

¹⁶ *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Путешествия по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881. Т. 12. С. 93–110; *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823. С. 73.

¹⁸ *Макарий (Булгаков),* митрополит Московский и Коломенский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. С. 158.

¹⁹ *Бородин О.Р.* Римский Папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып. 1. С. 174.

дением этому является прижизненное создание мартирия, посвященного «подвижничеству Папы», что нашло отражение в композиции произведения: известие о смерти Папы находится уже после заключительного обращения к читателям, свойственного житийной литературе²⁰.

Паломничество к его гробнице началось практически сразу после смерти мученика: по словам Папы Григория II, к месту погребения Папы Мартина I (*μττια*, *metogia*) «стекается весь Боспор и весь Север и обитатели Севера, чтобы исцелиться от болезней»²¹, что могло быть связано не только с поклоном гробнице мученика, но и с культом целебной воды. Согласно житию Св. Мартина его гробница находилась на территории богато украшенного Влахернского монастыря Богоматери Св. Девы Марии, который исследователи связывают с комплексом Южного загородного крестообразного храма Херсона²².

В комплексе этого загородного монастыря исключительное значение носил культ воды. Д.В. Айналов отмечал наличие под храмом нескольких усыпальниц, связанных проломами²³. Под этими «катакомбами» находился узкий подземный ход длиной около 40 м. Скорее всего, он играл роль водосборной галереи, обеспечивавшей функционирование и интенсивную эксплуатацию не менее трех колодцев. Вода, поступающая в эти колодцы, регулярно освящалась при свете светильников, лампад или свечников, установленных в стенных нишах. Для проведения обряда водосвятия священники спускались в галерею по ступеням в юго-восточном конце галереи. На территории монастыря было еще четыре фиала, не связанных с подземной галереей.

Такое обилие фиалов можно объяснить необходимостью обеспечивать многочисленных паломников целебной водой агисмы, которую они могли не только использовать на месте, но и брать с собой в глиняных, стеклянных или свинцовых ампулах. Здесь прослеживается связь херсонского монастыря с одним из старейших храмов Константинополя, расположенным во Влахернах, рядом с оконечностью бухты Золотой рог, который был центром почитания Богоматери-целительницы и имел соответствующую агисму²⁴.

Недалеко от Загородного храма на территории монастыря, обнесенной стеной, находилась небольшая одноапсидная молельня с гробницами, широким входом и пятью сиденьями в апсиде²⁵. В ней паломники могли проводить время в молитвах и ожидании чуда исцеления.

В качестве объекта херсонского паломничества следует отметить также гробницу одного из первых херсонских епископов — Св. Василия, тело которого согласно «Житиям св. епископов Херсонских» христиане «похоронили вне города на западе близ стены»²⁶. Местом погребения св. Василия мог быть подземный мавзолей с уникальным «четырёхгранным» сводом рядом с Западной бази-

²⁰ Бородин О.Р. Римский Папа Мартин I... С. 174, 177.

²¹ Айналов Д.В. Мемории... С. 82.

²² Там же. С. 588; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. №63. С. 202; Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского Загородного монастыря Богоматери Влахернской // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. XIII. С. 211–232.

²³ Айналов Д.В. Мемории... С. 67.

²⁴ Иоанн, иеромонах. Обрядник византийского двора как церковно-археологический источник. М., 1895. С. 66.

²⁵ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. Отчет о раскопках городища (акрополь), крестообразного храма и некрополя // Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. 11. Л. 35.

²⁶ Жития св. Ефрема, Василия, Елпидия, Агафодора, Еферия, Капитона в новом позднем переводе // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 166.

ликой. Сам факт строительства обширного комплекса с большой базиликой №13, требующий проведения масштабных работ, на западном участке городища — на неустойчивом грунте с перепадом высот около 10 м — можно объяснить лишь привязкой комплекса к уже существующей святыне — могиле епископа Василия²⁷. Этот факт является косвенным подтверждением того, что этой святыне херсонские иерархи придавали исключительное значение. Монастырский комплекс на краю города, за античной стеной фактически является единственным строением таких размеров на участке между античной и средневековой оборонительными стенами.

Наличие в комплексе Западной базилики мемориальных построек (крестообразного мартырия и гробничной церкви — «часовни Г») позволяет предположить, что гробница местного святого пользовалась популярностью среди верующих. Она была удобна для доступа паломников, поскольку имела отдельный вход-дромос (1,8 м длиной и 0,84 м шириной). Напротив входа находилась низкая широкая лежанка, на которой, вероятно, полагались мощи. Заслуживает внимания красивый потолок склепа, из кирпичей-плинф, поставленных ребром и образующих четырехгранный свод.

«Склеп Св. Василия», с которым увязана постройка молитвенной церкви с алтарной преградой, отгораживающей пространство апсиды, можно считать одним из первых сооружений на этом участке, «с которого началось строительство здешнего архитектурного комплекса «дома Св. Леонтия» и организация монастыря»²⁸. Возможно, не следует прямо отождествлять этот склеп с реальной гробницей этого херсонского мученика. Несомненно, что его появление, или, точнее, обнаружение, связано с деятельностью Херсонской церкви, особенно активной в последней трети VI в., связанной с поиском местных святынь для привлечения в Херсон новых паломников и укрепления авторитета церкви в глазах горожан.

Но если в отношении «склепа Св. Василия» такое предположение не бесспорно, то строительство не ранее второй половины VI в. четырехапсидного храма (№47) над остатками известеобжигательной печи можно с полной уверенностью считать строительством «в память о чуде епископа Капитона» над «подходящей» печью, напоминающей о крещении жителей Херсона²⁹. В нем не было обнаружено следов престола или синтрона, что свидетельствует о том, что храм изначально предполагался не как «функциональный», приходской, а как «мемориальный». Некоторые исследователи считали четырехапсидный храм №47 баптистерием. Впервые эта мысль в качестве предположения была высказана Р.Х. Лепером, однако впоследствии автор не развил ее³⁰. Затем, уже как утверждение, она встречается в работе А.Л. Якобсона «Крым в средние века»: «...крещальня, четырехлопастная в плане и также завершенная куполом, находилась в... западной части города»³¹. Однако, учитывая особенности византийского богослужения, когда после крещения и обряда миропомазания новокрещеные шли в белых одеждах прямо в храм и принимали причастие, крещальня должна находиться при храме, предназначенном для отправления литургии и связанного с ней таинства евхаристии³². Поэтому строительство крещальни на большом расстоянии от ближайшего храма невозможно с точки зрения византийс-

²⁷ Сорочан С.Б. О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартырии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 164–165.

²⁸ Там же. С. 168.

²⁹ См.: Сазанов А.В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // *Херсонесский сборник*. Севастополь, 2004. Вып. XIII. С. 202–210.

³⁰ Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // *Известия императ. археологической комиссии*. СПб., 1911. Вып. 42. С. 92.

³¹ Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. 172 с.

³² Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 45.

кой богослужебной традиции. Кроме того, в большом центрическом помещении, если оно задумывалось как баптистерий, должна находиться стационарная купель (скорее всего — в центре здания), а при раскопках не найдено даже намек на ее существование. Поэтому наиболее достоверной является версия о строительстве этого храма над остатками известеобжигательной печи в качестве «мемория» в память о чуде святого Капитона.

Позднее, уже в XIX в., по аналогичным соображениям для строительства собора Св. Владимира были избраны развалины раннесредневекового крестообразного храма №27: «...не как подлинное место крещения Владимира, а как память этого события...»³³.

Значительное место в ряду херсонесских паломнических центров занимал крестообразный храм №19. О почитании здесь мошей (косточек пальцев) святого, или святых, возможно, имевших сирийское происхождение, говорит находка в нише под престолом серебряного ларца в виде саркофага, изготовленного в период правления Юстиниана I и сохранившегося, как и сокрытая в нем святыня, до конца жизни города³⁴. Судя по изображениям на медальонах ларца-ковчега Св. Сергия и Вакха, можно предположить, что храм №19 был посвящен этим святым³⁵. Следует отметить, что храм Сергия и Вакха был одним из древнейших и почитаемых храмов столицы, а значит, в Херсоне мы имеем дело с еще одной стороной политики христианизации. Она заключалась в постройке церквей, посвященных традиционным константинопольским святым и мученикам, при этом сохранялась преемственность и в выборе главной святыни нового храма. В херсонском храме Богородицы Св. Девы Марии, как и в константинопольском, такой святыней была агиасма, а в храмах Св. Сергия и Вакха — святые моши. Возможно, для освящения храма №19 был использован важный элемент миссионерской деятельности христианской церкви — разделение и перенесение мошей³⁶.

О ранней традиции почитания среди населения Херсонеса св. великомученицы Анастасии Узорешительницы свидетельствует находка памятника VI–VII вв. в виде невысокого греческого креста грубой работы с надписью «Памятник св. мученицы Анастасии» (+ *Μνεμ(ε)ιον της αγ(ι)ας μαρτυρ[ο]σ Αναστασ(ι)[α]σ +*)³⁷. Римлянка Анастасия претерпела мучения во время гонений при Диоклетиане. В V в. моши святой Анастасии были перенесены из Рима в Константинополь, где во имя ее был построен храм. Позднее главу и десницу великомученицы перенесли в созданный неподалеку от горы Афон монастырь святой Анастасии Узорешительницы. Видимо, среди почитателей этой святой были если не обитатели тюрем, то сосланные в Херсон как политические преступники и инакомыслящие, как деятели церкви, так и императоры и члены их семей³⁸.

Изображения святых, найденные на городище, говорят о популярности христианских заступников среди херсонитов. Однако эти изображения имели в этот период «полулегальный» характер, будучи скорее оберегами, чем «полноценными» иконами, освященными Церковью.

³³ Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. №46. С. 1–375.

³⁴ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес—Херсон—Корсунь. Киев, 2003. С. 226.

³⁵ Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вестник Харьков. нац. университета. Харьков, 2003. №594: Історія. Вип. 35. С. 58–72.

³⁶ Арнаутова Ю.В. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 322.

³⁷ Византийский Херсон... С. 32.

³⁸ См.: Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «признаки самоуправления» // Византийский временник. М., 2003. Т. 62 (87). С. 43–46.

Если первичные святыни (частицы мощей, одежда и предметы, окружавшие святого или мученика при жизни) чаще всего были достоянием Церкви и находились в храмах и часовнях, освящая их и становясь объектами поклонения, то на долю паломников приходились «вторичные» реликвии. К ним можно отнести пыль с надгробия, землю с могилы, освященные на гробницах мучеников воду и елей, которые паломники уносили с собой³⁹.

Среди прочих предметов на память о посещении святых мест паломники брали с собой евлогии, которые были для странников не только памятными знаками, напоминающими о посещении святынь, но и наделялись в их глазах чудодейственной силой, являясь благословением. Об этом говорят надписи на штампе и оттиске евлогии Св. Фоки Навта: «Благословение Св. Фоки птохиона Херсона» (Eulogia tou agiou Phoka tou ptocheiou Chersonos)⁴⁰. Евлогии в таком случае являлись вторичными реликвиями и в случае необходимости могли быть использованы для призвания святого⁴¹.

Оттиск и штамп с изображениями Св. Фоки Навта, стоящего в лодке в позе оранта (диаметр 9,8 см), были найдены при раскопках портового района Херсона в 1896 и 1963 гг.⁴² Существуют различные мнения по поводу их назначения. Например, штамп мог использоваться для изготовления просфор для таинства евхаристии или медальонов на глиняных ампулах для воды и елей, однако преобладает мнение, что штамп употреблялся для изготовления евлогий, образцом которых является оттиск⁴³. Возможно также, что такая евлогия представляла собой глиняную копию просфоры.

В районе около городского водохранилища в конце 1898 г. был найден аналогичный глиняный штамп диаметром 9 см с круговой надписью «Евлогия св. великомученика...» и голгофским крестом с расширяющимися концами⁴⁴.

Для изготовления евлогий, возможно, употреблялась и глиняная форма IV–V вв. для оттиска с надписью «Благословение Св. Лу[п]а» (диаметр 9,8 см), найденная в портовом районе⁴⁵. Культ Св. Луппа-воина, видимо, был популярен среди солдат херсонского гарнизона. С культом воина связан и херсонский штамп с изображением святого в воинском облачении, относящийся, по мнению В.Н. Залесской, к иконографическому типу святого воина Лонгина⁴⁶.

³⁹ Катанский А. Очерк истории обрядовой стороны таинства елеосвящения // Христианское чтение. 1880. Ч. 2. С. 92.

⁴⁰ Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 г. // Отчет императ. археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 165–166; Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // Материалы по археологии России. СПб., 1899. №23. С. 30–34; Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 17. С. 50, рис. 16; Колесникова Л.Г. Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963–1965 гг.) // Византийский временник. М., 1978. Т. 39. С. 172; Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.И. Чичуров. М., 1991. С. 30.

⁴¹ Vikan G. Byzantine Pilgrimage Art. Washington, 1982. P. 30.

⁴² Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки Херсонеса // Отчет императ. археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 166; Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.И. Чичуров. М., 1991. С. 30; Иванов Е.Э. Указ. соч. С. 72.

⁴³ Ошарина О.В. Глиняная евлогия Св. Фоки из собрания Эрмитажа // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 29–33; Ошарина О.В. О символическом замысле глиняной евлогии с изображением Св. Фоки из собрания Эрмитажа // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 54–66.

⁴⁴ Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // Византийский временник. Т. 6. Вып. 1–2. С. 350.

⁴⁵ Византийский Херсон... С. 32.

⁴⁶ Залесская В.Н. Литургические штампы-евлогии (св. Лонгин Криний и св. Мамант Кипрский) // Византинороссика. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995. Т. 1. С. 238.

О том, что изготовление евлогий в Херсоне было распространенным явлением, говорит унификация их внешнего вида, формы и размеров (Св. Фоки Навта — 9,8 см, Св. Луппа-воина — 9,8 см)⁴⁷. Евлогии были теми памятными предметами, изготовление которых было характерно для раннесредневековой восточнохристианской культуры. Позднее, в XII в., как отмечает В.Н. Залеская, евлогии стали восприниматься западноевропейской культурой⁴⁸.

По мнению О.В. Ошариной, существование евлогий херсонского происхождения «...не исключают возможности посещения Херсонеса как святого места паломниками»⁴⁹. На наш взгляд, эти находки даже подтверждают наличие паломнических традиций, связанных с христианскими святынями Херсона.

Кроме вышеупомянутых штампа и оттиска в портовом районе Херсонеса было найдено навершие архиерейского жезла из дорогой слоновой кости с монограммой одного из херсонских епископов, датированное концом IV — началом V вв. Это позволило исследователям предположить, что здесь существовали приют и церковь Св. Фоки Навта. Возможно, в ней первоначально размещалась резиденция епископа, тем более что портовый район можно отнести к восточному району Феоны, где были размещены воины, пришедшие со св. епископом Капитоном⁵⁰.

Птохион Св. Фоки мог выполнять и функции гостиницы, обеспечивая крышей над головой паломников, пришедших издалека⁵¹. Надпись «ксенодох и куратор» (?) на обломке свинцовой печати можно считать свидетельством существования в раннесредневековом Херсоне должностей куратора и управляющего странноприимным домом⁵². Так как птохион находился при церкви Св. Фоки, а также учитывая, что содержание таких благотворительных заведений входило в обязанность Церкви, точнее, епископальных властей, эта печать могла принадлежать представителю клира, возможно, из ближайшего окружения епископа (с начала IX в. — архиепископа)⁵³. Если эти две должности разделялись, то куратором мог быть и сам епископ (архиепископ), а управляющим, «хозяйственником» — птохотрофом — назначали представителя духовенства. Управляющий мог распространять среди своих постояльцев различные паломнические реликвии, в том числе и евлогии с изображением святого — покровителя приюта⁵⁴.

Несомненно, паломничество было постоянным источником доходов, а значит, и объектом постоянной заботы епархии. Надзор за святынями традиционно осуществлялся духовными лицами, чаще всего — монашествующими. Так, усыпальница Св. Василия находилась на территории женского монастыря Св. Леонтия (комплекс Западной базилики), гробница Римского Папы Мартина I — на территории монастыря Богоматери Влахернской (комплекс Южного За-

⁴⁷ *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки Херсонеса // Отчет императ. археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 166; *Византийский Херсон...* С. 30; *Иванов Е.Э.* Указ. соч. С. 32, 72.

⁴⁸ *Залеская В.Н.* Евлогии эпохи крестоносцев // *Византия и Запад*. М., 2004. С. 69.

⁴⁹ *Ошарина О.В.* Глиняная евлогия Св. Фоки из собрания Эрмитажа // *Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы научной конференции.* Севастополь, 2001. С. 33.

⁵⁰ *Матанцева Т.А., Сорочан С.Б.* Навершие архиерейского жезла с надписью // *Вестник Харьков. нац. университета.* Харьков, 1992. № 362. С. 90–96.

⁵¹ *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // *Византийский временник*. Т. 6. Вып. 1–2. С. 349; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса... С. 546, 547; *Яшаева Т.Ю.* Средневековый Херсонес как центр малого паломничества... С. 157.

⁵² *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // *Византия и средневековый Крым.* Барнаул, 1992. С. 194–195.

⁵³ *Алексеевко Н.А.* Печать херсонского епископа эпохи иконоборчества // *Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты.* Севастополь, 2003. С. 3.

⁵⁴ *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001. С. 272.

городного крестообразного храма). В постройках, окружавших церковь с гробницей Св. Климента на островке в Казачьей бухте, могли жить монашествующие, надзирающие за святыней. В их функции входила не только организация поклонения и сбор пожертвований и приношений. При необходимости такие «смотрители» заботились о предоставлении крова и пищи прибывшим издалека паломникам.

Источники средств для содержания святынь и объектов паломничества были разнообразны. Прежде всего это были сборы с паломников и пожертвования прихожан и частных лиц. Небольшую часть расходов покрывали за счет отчислений из епископской казны и средств, выделяемых на эти цели из казны государственной. Многочисленный эпиграфический материал позволяет говорить о том, что пожертвования частных лиц играли значительную роль не только в поддержании святынь в хорошем состоянии, но и в строительстве храмов и церквей и их оформлении⁵⁵. Большую часть расходов, связанных с храмовым строительством, брало на себя государство, так как это прямо диктовалось официальной политикой преемников Юстиниана I. Руководство и финансирование этих мероприятий в основном осуществлялось из центра⁵⁶. Плиты-экраны, составляющие алтарную преграду, украшались различными христианскими символами, изображениями крестов, геометрическими орнаментами, декоративными листьями аканфа, хризмами, розетками, иногда монограммами и надписями, содержащими имена дарителей. Например, на одном из фрагментов алтарной преграды V–VII вв. (0,89x0,62x0,7), найденном в 70-х годах XIX в., — рельефные изображения креста и надпись «о молитве за Мартирия и всех сродников его»⁵⁷.

Продажа мест для погребения также была постоянным доходом Херсонской церкви. Начиная с VII в. в городе появляются индивидуальные могилы. «Мир мертвых» утратил свое единство. Более того, наблюдается резкая дифференциация погребений этого периода в зависимости от богатства, знатности, «святоści» и даже характера смерти умершего⁵⁸. Были также предусмотрены и места для погребения умерших из числа постояльцев городских приютов. Так, склеп с внешней стороны I куртины оборонительной стены, который использовался на протяжении нескольких столетий вплоть до IX века⁵⁹, очевидно, имел отношение к богадельне — носокомиону (nosokomeion), которая размещалась в южной галерее Западной базилики — «дома Св. Леонтия»⁶⁰. Практически все найденные в нем костяки отличались врожденными или приобретенными дефектами: искривлением позвоночника, сросшимися позвонками, недоразвитыми или неправильно сросшимися костями и суставами. В качестве более поздней аналогии можно отметить комплекс птохиона или ксенодохиона, остатки которого были открыты в X квартале Северного района Херсона в 1986 г. Кроме двухэтажной усадьбы X–XIII вв. в комплекс входили два двора. Один из дворов, судя по находящимся в нем постройкам, связанным с обработкой зерна и выпечкой хлеба, имел «хозяйственное» значение. Второй двор занимали колодец и часов-

⁵⁵ См.: *Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // Палеостинский сборник. 1987. Вып. 29 (92). С. 74–84.

⁵⁶ См.: *Зубарь В.М., Павленко Ю.В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 69.

⁵⁷ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 28.; *Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.И. Чичуров.* М., 1991. С. 20.

⁵⁸ *Культура Византии (вторая половина VII–XII вв.).* М., 1989. С. 575.

⁵⁹ *Антонова Л.А., Рижов С.Г.* Оборонный рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // *Археологічні дослідження на Україні* в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4. С. 261–264.

⁶⁰ *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособ. Екатеринбург, 1995. С. 45–47.

ня, под полом которой размещались могилы обитателей богадельни, о чем свидетельствует то, что найденные здесь скелеты также носили следы аналогичных дефектов⁶¹.

Обитателями этих приютов могли быть не только уроженцы Херсона, но и паломники, приходившие к херсонским святыням за исцелением, но так и не дождавшиеся его. Придя в Херсон с надеждой на выздоровление и на возможность жить в родных местах полноценной жизнью, потерпев неудачу, они могли оставаться здесь, среди подобных себе, до конца жизни. Возможно, что более обеспеченные паломники могли даже покупать себе «места на кладбище» поближе к святыням. Наибольшую ценность с этой точки зрения представляли участки рядом со «святыми могилами». За городскими стенами такие участки совпадают с местами постройки загородных крестообразных храмов: Южного и Западного. Кроме того, К.К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что к северу от баптистерия №24 были обнаружены две высеченные в скале могилы, и, так как на этом месте не найдено каких-либо следов пола, он предположил, что здесь находилась открытая площадка с могилами, наличие которой он отмечал при многих херсонских храмах и часовнях⁶². Видимо, такие площадки возле храмов появлялись со временем для захоронения ктиторов, одной из привилегий которых было право погребения рядом с храмом или «опекаемой» святыней. Такие привилегии могли получать и паломники, порой жертвовавшие на храм значительные суммы.

Развитие паломничества оказало значительное влияние на духовную, культурную и экономическую жизнь Херсона. С ним связаны некоторые особенности культа местных святых и организационные стороны жизни местной Церкви. Прежде всего это движение стимулировало развитие сферы деятельности, связанной с организацией паломничества и поклонения святыням: надзор за святынями, сбор пожертвований, распространение евлогий и других реликвий, освященной воды и еляя среди паломников. В обязанности христианской Церкви также лежала забота о странниках. Очевидно, на популяризацию херсонских святынь как объектов поклонения было направлено развитие в этом городе собственной школы агиографии и создание к 70-м гг. VI в. «Житий св. епископов Херсонских» и составление «Сказания о совершившемся над отроком чуде священномученика и апостола Климента», приписываемого «Св. Ефрему, епископу Херсонскому».

Summary

In this article an attempt by example of Byzantian monuments of Kherson was made to consider the basic features of pilgrimage to trace relics of Kherson, which were objects of pilgrimage, their development and importance. The activity of the Kherson Church directed on the pilgrimage movement development and spiritual and religious life of the city are covered.

⁶¹ Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X квартала в Северном районе Херсонеса в 1986 году // Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. 2701. Лл. 3–23, 29; *Он же*. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса в 1992 году // Там же. Д. 3114. Л. 1; *Он же*. Отчет о раскопках усадьбы в X квартале в Северном районе Херсонеса в 1993 году // Там же. Д. 3161. Лл. 1–2.

⁶² Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // Известия императ. археологической комиссии. СПб., 1906. Вып. 20. С. 175.